

Ваш выход, маэстро!

Даниэль Брэйн

Ваша честь

«Литнет»

Брэйи Д.

Ваша честь / Д. Брэйи — «Литнет», — (Ваш выход, маэстро!)

Что вы знаете об отборах невест? То, что читали в романах? Я изучала историю государства и права, и у меня нет оснований считать, что в этом мире все будет иначе. В прошлой жизни я — федеральный судья, в этой — Хромоножка Йоланда, графиня ван дер Вейн, и мне не отвертеться от унижительной процедуры. Придворные интриганы рвутся к власти, принц намерен жениться исключительно по любви, участницы просто хотят свободы. Покушение на короля — наш общий шанс. Попаданка «за шестьдесят» с очень сильной профдеформацией. Историческое фэнтези, детектив; особенности придворной жизни, моды, отборов и судопроизводства нелепые, но правдивые. Придется подумать и превозмочь, спасти короля — и себя заодно.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ваша честь

Автор: Даниэль Брэйи

Глава первая

У меня было время немного подумать перед тем, как я решительно и бесповоротно сказала этому человеку «нет».

– Анастасия Дмитриевна, вы же все понимаете, – вкрадчиво пел адвокат, а я смотрела и морщилась: не люблю эту братию. Забудьте про сериалы, где лощеные джентльмены в бешено дорогих шмотках уверенно разбивают противную сторону в пух и прах, потому что их подзащитный, конечно же, невиновен, и вообще все против него, а зря. Адвокат – это просто подсчет просчетов оперативно-следственной группы. Улику положили не в тот пакет, понятой спал или пришел позже, или не пришел, у подозреваемого на скуле оказался синяк...

Или вот как сейчас: давление на судью. Которое для обывателя и не давление вовсе, так, тщетная, но необходимая попытка пробудить у бессовестной жестокосердной старухи остатки эмпатии.

– Он пожилой человек, здоровье, срывы... Заключение окажется для него фатальным.

Следствие, которое так легко подвести под следствие, не люблю, кстати, тоже. Коллег, которые работают спустя рукава. Дело надо делать отлично или не делать его вообще. Адвокаты, надо отдать им должное, работают нередко намного лучше... гонорары у них другие. Но только не в этом процессе: здесь был общественный резонанс, и головы могли послетать легче легкого. Здесь адвокат осторожничал и заявлений в прессу не делал.

– Он и так убит и раздавлен. Но сделанного не вернуть, вы же меня понимаете?

Все головы, начиная с моей, послетали бы, если бы я дрогнула в фальшивом сочувствии.

– Подумайте, стоит ли ломать и без того сломанную жизнь?

Я хмыкнула. Любят у нас сопереживать тем, у кого ни ума, ни совести. Что еще худобедно простительно малообразованному человеку, строчащему комментарии под статьями на новостном сайте...

Адвокат меня искренне разозлил.

– Он знаменитость мирового уровня, – и адвокат слегка наклонил голову, выдавая последний аргумент.

У меня было время подумать, но я не стала. Возможно, напрасно.

– Убирайтесь отсюда вон, – отчеканила я, развернулась и пошла на парковку. Мрачный вечер, осень, уже темно, и только чей-то кот перепутал времена года и протяжно орал, требуя ласки. Расстегнутые полы пальто путались, на лицо мелкой изморосью падал дождь.

Знаменитость – и внимание прессы приковано к процессу, как ни крути. Я была сама с собой откровенна: никакой знаменитости я не стану смягчать приговор потому, что у него здоровье от пьянства уже никакое и он «деятельно раскаялся». Еще бы не деятельно, оперная звезда, но, правда, мало кто ему во всей стране верил, несмотря на весь отпущенный артистизм. Пропил не только совесть, но и талант. Нет, не жаль, как говорил небезызвестный Жеглов: «Вор должен сидеть в тюрьме». Если не вор, а убийца – тем более должен.

Потому что никакой звезде – хоть какого масштаба – не позволено устраивать то, что устроил он, и размахивать огнестрельным оружием в состоянии алкогольного опьянения. Все это кончилось смертью двух ни в чем не повинных людей и ранением еще троих. Страна негодовала, и я была на их стороне. Граждане хотят чувствовать себя в безопасности – наша задача дать эти гарантии. «Я здесь закон», – говорила я себе, входя каждый раз в зал заседаний, и ни одно мое решение с самого начала моей карьеры – а это как судьи уже двадцать семь лет – не

было пересмотрено. Никогда. И рука моя на томике уголовного кодекса была как безмолвная клятва.

У меня было время подумать, и у той стороны оно тоже имелось. Хотя бы та пара минут, пока я подходила к своей машине. Пустой практически паркинг, совсем новый дом, и даже гараж закрытый еще не сдан, но я устала жить в том районе, где прожила всю свою долгую жизнь. Когда-то – уютные пятиэтажки, и в мае прямо в окна захлебывались восторженными песнями соловьи, и в ветках лип терялся одуряющий запах, и смеялись дети, и слышен был каждое утро школьный звонок. И последние двадцать лет – стройка, огромные небоскребы – «Корускант», называл их мой внук, и правда, похоже, – новая трасса городского значения, шум, гам, мосты, эстакады, и липы спилили в угоду раскаленному асфальту, и соловьев я не слышала больше весной, и окна открыть было невозможно ни днем, ни самой спокойной ночью. Я плюнула, продала еще родительскую уютную «трешку» и купила квартиру здесь. Дочь помпезно называла это сложным английским словом, а я, посидев немножечко в «Гугле», обнаружила, что это просто жилой район. Новый, уютный, тихий, и пусть я слышала, как взлетают и садятся в аэропорту самолеты, они мне не мешали, наоборот, в их полете было какое-то ожидание чуда.

Но сдали в эксплуатацию пока только часть домов, стройка еще длилась, и в окнах горел свет лишь там, где обосновались самые нетерпеливые. В основном, конечно, семьи и молодежь, вылетевшая из гнезда, или такие вот... старики, как я, усмехнулась я, ненароком вспомнив, что мне уже стукнуло шестьдесят пять и скоро пора мне будет на пенсию. Не потому, что я не справляюсь, потому что, возможно, мне намекнул. Еще пять лет у меня есть в запасе, но... как это мало, когда тебе шестьдесят пять. И все равно кажется, что вся жизнь еще впереди и столько важного еще не случилось.

Брелок пискнул, я открыла дверь и нырнула в пахнущее кожей нутро, бросила на соседнее сиденье сумочку, пристегнулась, завела двигатель. Этот оперный певец не моложе меня, и на это мне тоже уже намекали. «Представьте себя на его месте» – нет, господа, судьям свойственно сострадание, но оно направлено все же на жертв. Случаи, подобные провокациям и прочим «невиноватикам» – еще одно слово внука, мне нравится молодежный сленг – оставьте это все создателям сериалов. У них же сказка – может быть, потому я и смотреть ее не могу. Потому что знаю, как бывает на самом деле. Справедливее, лучше и правильнее.

«Не совершайте ошибку», – попросили меня, и я не обратила на это внимания. Должна была обратить и предупредить, разумеется, о давлении, но сколько раз я за свою карьеру об этом слышала? Обычно люди считают, что раз я женщина, натура у меня эмпатичная. Забывают, что начинала я следователем прокуратуры и видела то, что не видит обычный «сострадающий» человек. То, что лучше было оставлять за порогом квартиры и никогда не нести в обычную, спокойную, мирную жизнь.

Но почему-то сейчас мне показалось, что это было не давление, а угроза.

– Ты так себе сама давление зарабатываешь, баба Настя, – шутливо укорила я саму себя, включила ближний свет, переключила коробку в режим «драйв» и нажала на педаль газа.

И я поняла, что света стало поразительно много. Так, как его просто не должно было быть.

Может быть, это луна вывалилась из-за туч или самолет зашел на посадку, и это его прожектор меня ослепил?

И грохот, который я еще различила, это двигатели? А легкость – это просто полет?..

В этом было что-то тревожное и освобождающее одновременно. Я не стала паниковать: мне не больно, никто не погиб, машина не повреждена... сейчас все кончится, просто какой-то сбой. Я сижу и все равно ничего не могу сделать.

– Сечь! Сечь!

Я помотала головой. Крики были похожи на обрывки каких-то мыслей. Подростки? Снова выиграли какой-то матч?

У нас вроде бы нет подростков...

– Сечь! Сечь!

Свет рассеивался, мне было... странно. Дышалось легко, и воздух пах и даже по консистенции... – плотности? – был удивительно непривычным, и в то же время грудь стискивало то, что не было похоже на мою термомайку и тонкий свитер поверх нее. Мне шестьдесят пять, а я все хожу как девочка, сзади как пионерка, спереди... тоже еще ничего.

– Сечь!

– За ущерб, причиненный купцу торговой гильдии господину Ардену, упомянутый камень, стоящий на перекрестке дорог, постановлением королевского суда следует выкопать, подвергнуть двадцати ударам плетью, а после утопить! Во имя Вландерена! Во имя короля!

– Во имя короля!..

И, кажется, последний выкрик множества голосов потонул в моем истерическом смехе.

Нет, если это insult... или что-то похожее... что же, видения, по крайней мере, забавные. Говорят, перед смертью у человека перед глазами проносятся вся его жизнь, в таком случае не соврали, хотя перепутали: я никогда не вела гражданский процесс, но воспоминания из университетского курса привели меня почти что в восторг. Высечь камень – да, так и было, и камни секли, и телеги, так что это – реконструкция? Снимают кино? В кои-то веки расщедрились на профессиональных историков в качестве консультантов? Похвально.

И я была абсолютно не рада, когда меня выдернули куда-то и поволокли, – возможно, бригада скорой помощи? Я все еще ничего не видела, кроме света, теперь уже мягкого, в котором проступали неясные очертания, сложившиеся в фигуры людей. Я слышала крики как сквозь вату в ушах, но отчего-то мне не хотелось, чтобы кто-то прерывал это... этот сон? Эти галлюцинации? Что это вообще такое?

– Не надо, пустите, пожалуйста, я не хочу, – слабо отбивалась я, а внутри меня, так глубоко, что я даже не различала – чувствовала, скорее – рассудок вопил: доктора разберутся, они знают, что пациент может быть не в себе, тебе окажут помощь, обязательно, только терпи. И теперь во всем теле была боль – и нога, она странно простреливала при каждом моем движении.

А потом свет стал феерически ярким оттого, что мне залепили пощечину. И пропал, словно его и не было.

Я зажмурилась инстинктивно, а затем открыла глаза.

– Что ты творишь, Йоланда?

Я тяжело хохотнула, широко провела рукой по внезапно вспотевшему лицу и получила пощечину снова.

– Тебе не поможет! – И я рассмотрела, как женщина лет сорока... – нет? Старше? Моложе? – протянула ко мне руку и больно схватила за волосы, а у меня не было сил ей сопротивляться. Доктор, которая не хочет, чтобы я умерла? Но зачем хватать за волосы? – Ты не избежишь, потому что нам это необходимо! Поняла? Ты меня поняла?

– Я федеральный судья, – зачем-то сказала я. Ну да, неприкосновенность. Отчего-то происходящее меня до крайности возмутило: реанимируйте, ладно, но зачем же пощечины раздавать? И не пропадала странная эйфория... и запахи я начала различать, и несмотря на то, что лет мне было немало и стесняться многого я должна бы уже перестать, я понимала, что при таком приступе случиться может все что угодно...

Неловко.

И боль в ноге. Единственное, что от всего кошмара осталось. Видимо, я ногу сломала, и придется прыгать на костылях. Если повезет, я выбыла из строя на месяц, и это если действительно повезло и я не окажусь на вытяжке. Зато, сказала я самой себе, я точно знаю, что нога у меня еще есть. И мне ее не оторвало, как несчастному нашему царю-освободителю.

Это абсолютно неуместное сравнение почему-то меня рассмешило, и я почти засмеялась, когда...

– Йоланда, – прошипела женщина, наклонившись ко мне близко-близко, и мне в нос ударил омерзительный до тошноты запах гнилых зубов. О, я очень хорошо знала его – и меня всегда, всегда от него мутило! – Бестолковая, никчемная уродка! Твоя сестра стала бы королевой, но раз ее больше нет, корону наденешь ты!

Глава вторая

– Хотя какая-то от тебя будет польза! Так что возьми себя в руки и хоть раз в жизниvedi себя как положено!

И женщина отшвырнула меня от себя, выпрямилась, и я в полусне-полуяви разглядела на ней длинное платье из тяжелой и темной ткани, и единственными светлыми пятнами были старомодный отложной воротник и такие же манжеты, широкие, едва ли не на треть предплечья, с остро вырезанными краями. Как и воротник. Мода... Не то чтобы я за ней не следила, но, пожалуй, все же не успевала. Когда в моду вошло подобное ретро?

Дверь хлопнула, женщина ушла, и я услышала, как провернулся ключ в замочной скважине.

С улицы все еще доносились голоса. Я закрыла глаза, пошевелила ногой. Боль ослабла, это немного утешило. Значит, нога точно на месте... Я пошевелила другой – и совсем успокоилась, ощутив ее... привычно.

А эта женщина определенно была не врач.

Я пошевелила руками – они тоже были на месте. Зрение вернулось, я поняла, что могу нормально воспринимать реальность – реальность ли? – и думать, и...

Что все это вообще значит? Что все это такое?

Больно, значит, все это не сон? Я часто слышала, что во сне боль не чувствуется, но свои сны я никогда не запоминала, так что сама проверить истинность этого утверждения не могла. Какие у меня имеются факты? Сердце бьется, дыхание есть, я вижу, слышу, могу говорить, и даже меня понимают. Работают все мои привычные пять чувств. Разгибаются пальцы...

Но все остальное было более чем непонятно.

Для начала меня называли – Йоландой. И это было далеко не самым загадочным в происходящем.

Я открыла глаза – глупо бегать от очевидного. Факты и только факты. На их основе и будем делать выводы. Что же произошло? Меня не спасли, и я умерла? В тот момент, когда я тронула машину с места... Свет, грохот, полет – да полно, разве это insult или инфаркт? Выходит, те угрозы были совсем не пустыми? Сколько лет миновало с тех пор, когда личные машины взрывали? Будто лихие девяностые вдруг вернулись. Или это случайность? Или намерение? И главное – где теперь я, что со мной? Мой рассудок, мой разум, но странное... не мое тело? Как это возможно?

Я сумела поднять руки и теперь их рассматривала. Не мои. Они определенно, абсолютно точно были чужими. Еще молодые... пухлые. Не слишком, нет, но я настолько привыкла видеть на тыльной стороне кисти выпирающие возрастные, острые суставы, что нынешняя гладкая, мягкая даже на вид кожа и аккуратные пальчики вызвали у меня недоумение. Молодые руки, не крюки шестидесятипятилетней женщины. Короткие ногти без лака, впрочем, очень аккуратные. Вот в этом ничего для меня необычного нет... Рукава. Широкие, сужающиеся к запястью. С манжетами, узкими и неудобными, сплошь расшитыми металлической нитью серебряного цвета. Кольца – странные... тяжелые, отвратительного насыщенно-желтого золота, которое я так не люблю. Старинные? Камни большие и почему-то все кабошонами. На мне длинная юбка, тяжелая и неудобная до ужаса, и мои ноги в ней, похоже, запутались, а на грудь давит повязка – или, может, корсет? – или что-то на него очень похожее.

Во всем этом мне было... не по себе, хотелось выпутаться и сбежать. Я никогда не чувствовала себя так, словно меня втиснули не только в чужую одежду, но и чужое тело. Вопреки ситуации, жуткой донельзя, я улыбнулась: втиснули, хотя это и кажется вымыслом или бредом. Так некомфортно носить отвратительное белье или давящие джинсы, или туфли не по размеру...

Я оторвалась наконец от созерцания того, что сейчас было моим телом, и огляделась. Комната была небольшой, и через окно – тоже маленькое и настежь распахнутое – было видно, что на улице солнечно. Тепло и шумно. И оттуда адски, нестерпимо воняло.

То, что ожидало меня снаружи, понравилось мне еще меньше, чем то, что окружало меня внутри.

Я увидела французское окно... нет, скорее балкон, и дверь приоткрыта. У противоположной стены – кровать, похожая на огромный ящик, но это несомненно кровать, я вижу там подушки и одеяла, и похоже, они не лучшей-то свежести. Свечи – немного, сейчас они не горят, в тяжелых подсвечниках, в углу емкость... ванна? Что-то смахивающее на ночной горшок. Мангал, боже, откуда, зачем он тут, попал по ошибке? И камень, камень, везде серый камень, казарма какая-то, не иначе, и неудобное кресло, куда меня швырнули.

Кто я? Где я? Бестолковая уродина Йоланда, которая обязана стать королевой, потому что ей не стала ее сестра?..

Окажись на моем месте кто-то иной, возможно, он начал бы с комнаты. Или, может, с нарядов, с украшений, с радужных перспектив. Первое же, что сказала себе я: это другая жизнь. Там, где остались семья, друзья, коллеги, квартира, машина, судебный процесс над мировой знаменитостью, авиабилеты на следующий год – там меня больше нет. И черт его знает, как так получилось.

Это было... странно. И паники не было, как и предистеричного состояния. Я не верила ни в теории о загробных мирах, ни в мифы о перерождении. Я и рассказы про «свет» воспринимала скептически, предпочитая верить врачам, а не их пациентам. Где-то теплилась мысль, что я в бреду, но слишком все было... реально. Слишком...

...Последовательно. Это не сон. И нога у меня прежде так никогда не болела.

Все уже случилось и назад ничего не вернуть.

Я выпрямилась, села нормально и задрала тяжелую длинную юбку. Под ней обнаружилась еще одна... Две. Потоньше и белые. А вот на ногах у меня были чулки из какой-то гладкой и плотной ткани, и заканчивались они почти что сразу над коленями и держались с помощью широких лент. И еще меня удивили туфли: мягкие, кажется, вообще тряпичные... бархатные?! Красиво расшитые, сделанные словно на одну ногу, без учета анатомических различий. Я с любопытством присмотрелась, что надето на левой ноге, и убедилась, что не ошиблась.

Но мое внимание сосредоточилось сейчас совсем не на туфлях. Так вот оно что... Эмоций у меня никаких не осталось, и я даже не знала, радоваться или расстраиваться. Бедная девочка когда-то, скорее всего, упала, а местные костоправы сделали все, на что были способны. И, может быть, вариантом было остаться вообще без ноги.

В результате нога у меня – у Йоланды – срослась неправильно: голень слегка уходила вбок, причиной чего явно был застарелый и, увы, непоправимо неправильно уже сросшийся перелом. Ступня находилась чуть под углом... мне показалось, что ходить это не должно было слишком мешать. Но походка должна быть, наверное, несколько утиной. Впрочем, неважно, на фоне всего остального это неважно. У меня и в той моей жизни никогда не стояло цели покорять всех попавшихся на моем пути мужиков, одного уже покорила, хватит, один плюс от него был – дети и алименты, которые он никак не осмеливался не платить.

Дверь внезапно открылась, и я, не опуская юбок, оглянулась, кто там зашел. Это оказалась средних лет... нет, не средних, вполне молодая, если приглядеться к ней, активная женщина, может, лет двадцати пяти, двадцати семи, в темном – мне начинало казаться, что тут не существует яркой или светлой одежды – платье словно со старых картин... или, может... точно! В молодости я обожала наш фильм о мушкетерах с молодыми Боярским, Алферовой, Тереховой, и платье женщины было очень похоже на то, что носила Констанция-Алферова, только темное.

– Госпожа? – с удивлением позвала женщина, и я распознала в ее интонации сочувствие и интерес. Наверное, здесь было не принято задирать юбки один на один, а что творилось в кулуарах на ассамблеях – кто знает. – Бедная моя госпожа, это уже не поправить, но Все Святые свидетели, – она прикоснулась кончиками пальцев к своему лбу, – если будет на то их воля, вы станете королевой, не будет их воли, – она снова коснулась пальцами лба, – вернетесь домой.

Допрос свидетеля в судебном заседании... Все Святые, однако, неплохие свидетели, и жаль, что сейчас у меня не они. Вот у кого наиболее полная информация и абсолютное неумение лгать.

– Я не знаю, чего я хочу, – проговорила я и опустила наконец юбки. Женщина подошла ближе, поставила на стол графин с какой-то мутной жидкостью, на который я посмотрела с подозрением. – Мне жаль сестру. Она, наверное, знала, чего она хочет. Я – нет...

Женщина засмеялась. Невесело, из чего я сделала предварительный вывод, что она неплохо относилась к умершей. Или убитой?

– Графиня Анаис мечтала о любви, – все еще с улыбкой – доброй, как я отметила – сказала она. – Как и все молодые девушки в ее возрасте. У Всех Святых были другие планы, и по их воле, – опять пальцы ко лбу, надо этот жест запомнить, как и эту присказку, – она умерла.

И раз она мне это так охотно, без раздражения, говорила, возможно, у меня – у Йоланды – не было всей информации? Женщину не удивляли мои вопросы, пусть я и умела их правильно задавать, но не в такой же ситуации, когда я буквально шла наощупь по краю пропасти. Шаг в сторону...

– Ты знаешь как?

– Чахотка, милая госпожа. Она угасала, хворь иссушила ее, и – да не выдайте меня ее сиятельству – хвала Всем Святым, что она не дожила. Ее нежное сердце не выдержало бы того, что с мужеством приняли вы.

– Вот это? – я пошевелила ногой под юбками.

– Возможно, да. Ох, как она была красива! – воскликнула женщина. – Настоящий маленький ангел. Как же жаль – ох, не выдавайте меня ее сиятельству! – что вы никогда не виделись с ней. Ее сиятельство... – она подошла ближе, встала передо мной на колени и оправила мою верхнюю юбку. У женщины было уставшее бледное лицо со следами оспы и синие-синие глаза. – Ее сиятельство жестока. Если бы Все Святые были ко мне милосердны и сохранили бы всех моих малышей под своим крылом на этом свете, – пальцы-лоб, а она на удивление стойкая, так спокойно об этом говорить, – я никогда не делала бы различий, хром кто или кос... – Она погладила мое колено. – Молитесь, милая госпожа, молитва помогает, дайте обет Всем Святым, и они вернут вас с этого отбора.

Я смотрела на ее руку, все еще лежащую на моем колене, и не могла решить, что спросить. Отбор? Что за отбор, почему я? Или как ее для начала зовут?

– Какой обет?

– Трудный, – женщина поднялась. – Все Святые чтят трудные обеты.

Это замечательно, нахмурилась я. Но хотелось бы поменьше субъективности и побольше фактов, и все же мне не за что было упрекнуть мою невольную добровольную помощницу.

– Паломничество или сто дней молитв... – продолжала она.

«Почему я никогда не знала свою сестру», – чуть не вырвалось у меня, но задавать вопросы стоило сейчас осторожно.

– Она когда-нибудь спрашивала обо мне? – я схватила руку женщины. – Моя сестра?

Что мне это даст? Отбор. Она должна была принять участие в каком-то отборе, а теперь, если верить той даме, которая надавала мне ни за что оплеух, я займу ее место?

– Ее сиятельство всегда пресекала подобные разговоры. Вы бы и дальше жили в усадьбе, моя госпожа, если бы не...

– Отбор, так? – я посмотрела ей прямо в глаза, и она не отвела взгляд, только кивнула.

– Молитесь, милая госпожа, не жалейте сил на обет. Моя матушка, упокоят ее Все Святые, – пальцы-лоб, здесь поразительно простое отношение к смерти, – помнила тот отбор, на котором его величество выбрал себе королеву, и что много девушек не вернулись тогда. Острый нож, редкий яд, злое слово – никому не пожелаешь такой судьбы. И когда я была молодой, ох, как завидовала господам, что носят они красивые платья и не работают с утра до ночи, как я, но у меня есть мой Хакке – да продлят Все Святые его дни, и я вышла за него по любви. И я буду молиться с вами, как молилась с детских лет госпожи Анаис, чтобы ей не довелось оказаться при дворе на отборе...

Она опять коснулась лба, но на сей раз этот жест получил продолжение: она провела подушечками трех пальцев вниз по лицу, от лба через нос, и, остановив их у губ, поцеловала, а я подумала: ты, видимо, намолила ей от души так, что ее и живых-то нет, но не было ли это и в самом деле лучшим исходом?

Глава третья

Женщина встала, закрыла окно, и в комнате стало душно, тепло и тихо. Я оказалась замкнута в каменных гулких стенах, на жестком стуле, с хромой ногой и с перспективами, которые не радовали совершенно.

Отбор невест. Здесь его называли так. То, о чем когда-то читала в монографиях я, называлось похоже – смотр.

Популярная забава у византийских и русских царей, один Иван Грозный из них чего стоил... хотя еще в моей памяти отпечатались история первого Романова и несчастной Марии Хлоповой. И это лишь то, что проходило официально, то, на что съезжались посмотреть со всех концов. Казалось бы, все просто: коронованный властелин, невесты, красота, чувства, но не было там никаких чувств. Хроники сохранили, как несчастных представляли душевнобольными, эпилептичками, развратницами, воровками. Как вытряхивали грязное белье поколений, рушили судьбы, губили людей – на кону была будущая царица, фигура в те времена безвольная и незначимая, до тех, разумеется, пор, пока за ее спиной тенью не вставал тот, кому нужна была власть.

Мне нужна власть?

Не там, где она одна сплошная угроза. Там, где я ничего не знаю и узнать ни от кого не могу так, чтобы не вызвать никаких подозрений.

– И когда начнется этот отбор?

Неправильный был вопрос, но, казалось, служанка уже приняла то, что я – Йоланда – в этом доме недавно.

– Завтра к вечеру, милая госпожа.

Она хлопотала: открыла сундук, начала перебирать какие-то вещи. Интересно, здесь ведь должна быть куча вшей и других насекомых... блох, подумала я, но прислушалась к своим ощущениям: вроде бы я не чесалась. Привычка? Судя по историческим фактам, нет, к подобному невозможно привыкнуть. Хотя читала я как-то про комаров и прочий подобный гнус и что местные считают, что тут главное перетерпеть. А потом привыкнешь – и укусы чесаться не будут.

А еще я читала, что голого человека в тайге в сезон комары могут полностью выпить часа за два. Кажется. Или нет, за два – половину человека, значит, всего целиком – за четыре, но через два часа это уже не будет иметь никакого значения.

– Ветки свирры! – воскликнула служанка. – Какая роскошь! Милая госпожа, вы позволите взять одну? Малыш Юннеке расчесал себе тельце до крови! Я положу ему в кроватку.

– Бери сколько хочешь, – охотно разрешила я и подумала, что служанка себе на уме. Какой вывод я могу сделать из ее слов? Вшей, по крайней мере, у меня нет, и пусть Йоланда была нелюбимой дочерью, бракованной уродкой, от которой поспешили избавиться, видимо, сразу после того, как она заполучила свою хромоту, а было ей тогда мало лет, раз уже после родилась ее ныне умершая сестра, – несмотря на все это, она была всем обеспечена, в том числе и украшениями, и дорогими средствами местной загадочной гигиены...

– Да благословят вас Все Святые, милая моя госпожа! – обрадовалась служанка и проворно сунула веточку за пазуху платья.

– Расскажи мне, – попросила я. – Все решили, что я могу просто исполнить дочерний долг.

Принято ли здесь говорить о любви к родителям?

– Как вы знаете, госпожа, его высочество наследный принц Арье должен выбрать себе жену, – подумав, сказала служанка. – Никто не знает, что он за человек: он так же, как вы, воспитывался в дальних краях, а его брат не вынес лихорадки. И злые языки говорят, что он

выберет деревенскую девку... – Пальцы, лоб. – Да простят меня Все Святые за то, что язык мой повернулся так сказать о милой госпоже.

Она забормотала какую-то молитву, а я отстраненно подумала, что у меня тоже не так уж и много шансов дожить до результатов отбора. Что здесь – вершки, корешки, костоправы с повивальными бабками. Если кто-то возьмет и отправит меня в полет с лестницы – а сомнительно, чтобы у Йоланды достало сил на сопротивление и бегство – никто меня не соберет так, как было. Или мне накапают в алкогольное пойло какой-то яд. Принцу явно не интересно ее прихрамывающее величество, но соперница есть соперница, конкурентку следует устранить.

Хотя, конечно же, все зависит от их критериев – они ведь могли быть совсем не такими, какими мне представлялись. Вдруг хромота здесь – преимущество? Ну мало ли... метка богов? Личный фетиш будущего жениха? Нет, ведь мать Йоланды считает ее уродкой. К лучшему, значит, для меня моя кривая нога, меня сбросят со счетов? Очень вряд ли. Не так важно, кого выберет царь, или не царь, принц, суть не в этом, а в том, настолько мощные силы стоят за чьим-то тщедушным тельцем.

Я ощутила острейшее раздражение на собственное незнание. Как, как прикажете работать в условиях, когда тебе неизвестны правила?

Я перевела взгляд на служанку. Сколько же у тебя, милая, было детей в твоём счастливом браке с незнакомым мне Хакке, и насколько тебя еще хватит? А я? Королевы ведь тоже мерли от родов как мухи...

– Его величество слаб здоровьем еще с войны, – зачем-то сказала служанка и посмотрела на меня... Нет, так не пойдет. Не нравится мне такой взгляд.

– А что там, на площади, происходит? – перевела разговор я, не желая, чтобы моя собеседница сочла мои расспросы слишком... неуместно подробными. Я пока что боялась спрашивать слишком много, не понимая, что я точно должна знать, а о чем нормально оказаться не в курсе.

– Городской суд, – улыбнулась служанка и вернулась к своим делам.

Видимо, она должна была перетряхнуть весь сундук – это было вполне логично: я тоже время от времени перекладывала все вещи в шкафах и комодах. Тем более, что здесь с глажкой точно было куда сложнее, чем там, куда мне уже никогда не вернуться. Это было кстати: я могла спокойно подумать, а заодно рассмотреть, что тут носят.

Носили, как я быстро поняла, рубашки, платья и юбки – ну и, конечно, чулки. Очень короткие, кажется, едва выше колен. Платья все были очень похожего кроя – как в «Трех мушкетерах», да, очень удобное сравнение, решила я. И если бы я могла поблагодарить художника по костюмам, я бы обязательно это сделала! Но увы, вряд ли мне теперь представится эта возможность. Да, платья были схожими, только темными. В основном разных оттенков коричневого и зеленого. Одно было серым, а вот красного или кирпичного цвета не было вообще. Интересно... Но ничего мне не дает. Одежда – последнее, чем стоит сейчас заморачиваться.

Но мысли не хотели соскакивать с простой и понятной темы.

Рубашки все были белыми, и их было неожиданно много. Длинные, мне показалось, до щиколоток, если не до самого пола, они все были похожи одна на другую – возможно, подумала я, их полагалось часто менять? В этом был смысл: здесь вряд ли принят ежедневный душ, а в его отсутствие единственный способ сохранить приемлемую чистоту – это менять одежду, хотя бы нижнюю. И кстати, вдруг сообразила я, от моей служанки потом совсем не пахло.

Что ж, это было неплохо – по крайней мере утверждение, что в средние века от всех несло потом и немытым телом, не соответствовало реальности. При том, что о чистоте здесь представления были очень своеобразными. Из того, что я успела увидеть – мало успела, выводы делать рано – это какой-то странный, параллельный нашему мир, но история и развитие общества везде должно идти одинаково.

Впрочем, мне еще повезло. Хотя бы здесь уже есть одежда и нахожусь я в каменном доме, а не в пещере, закутанная в шкуры, сидящая у грозящего угаснуть костра. Но можно ли говорить о каком-то везении, когда в одночасье ты лишился всего, что имел, и получил непонятную жизнь в непонятном мире? Вместе с квестом «останься в живых», и это касается не только отбора...

Здесь такая антисанитария, что половина из тех, о ком я успела узнать, мертвы, кто от, как говорили раньше, антонова огня, или, если более привычно, от сепсиса, кто от болезней. А король вряд ли был ранен на поле боя... Вот сейчас я жива и здорова и чувствую себя хорошо, возможно, лишь потому, что еще не растеряла деревенское детство на камнях загаженной городской мостовой. И я поняла наконец, чем тут пахнет – именно тем, о чем я в первую минуту и подумала, да, в европейских городах я видела уцелевшие туалеты, из которых раньше все падало прямо на улицу, в желобы, а потом закономерно стекало в реку, откуда брали воду – и мне всегда было интересно, да вот только руки так и не дошли узнать, были ли законы, требовавшие брать воду для питья выше города по течению. Зато я знала, что обычно воду эту брали не в реке, а в колодцах, их рыли в любом, даже стоящем на берегу озера или реки городе. Как раз потому, что вода в них, как правило, все же не заражалась фекалиями. Если, разумеется, не случалось паводка, а тогда – тогда эпидемия.

И по той же причине воду в то время не пили. Супы и похлебки ели, а пили или вино, или пиво – и то, и другое, я читала, было отвратительным по качеству и слабоалкогольным. Делали сидр – из всего, но чаще из яблок. Тоже совсем некрепкий, зато точно не зараженный и безопасный. Вот и эта мутная жидкость в графине должна быть разбавленным вином. Отвратительное, должно быть, пойло, но что делать, если жить без воды нельзя, а пить воду как она есть – считанные дни до мучительной смерти?

Что-то там еще было скверного в это время с едой? Соль есть, но она безумно дорогая... или так только там, где нет моря? Есть море здесь? Не факт, не факт. Приправы скудны и по большей части это травы вроде той же петрушки, перца нет или он не каждому по карману. Но это мелочи, к еде можно привыкнуть, есть вещи хуже, чем паршивая еда. Голод, регулярные неурожаи, и да, зимой холод такой, что временами захочется сдохнуть. Временами – с октября по апрель, потому что вряд ли здесь аналог нашего Кипра... Об образовании можно забыть. О том, что будет квалифицированная медицинская помощь, конечно же, тоже. О том, как мне быть, когда это юное тело напомнит о тех проблемах, которые существуют у каждой женщины с досадной периодичностью... не буду думать пока. Решу. Это, наверное, будет самым простым: использовать то, что придумано за сотню лет до тебя и еще никому не пришло в голову в это время.

Наверное, можно озолотиться... Или взойти на костер. Кто их знает.

Погружаться в воспоминания было спокойно. Исторические факты были чем-то, что связывало меня с близким и дорогим, с тем, чего у меня больше не было: моей жизнью успешной состоявшейся женщины, отличного специалиста, уважаемого человека, хорошей, смею надеяться, матери. Так что мне делать, бежать? Куда, и есть ли шанс у меня затеряться?

Допустим, Йоланду никто здесь не знает – что пока что является гипотезой и требует подтверждения. Можно выйти под покровом ночи, пойти в трактир, найти первого же крестьянина, кто уезжает из города, и напроситься к нему в служанки... но даже в моей голове план выглядел так себе. Начиная с моей хромоты – кому нужна хромающая служанка? – и заканчивая полнейшим отсутствием знания мной здешних реалий. И пусть меня даже наймут. Прикажут приготовить завтрак. Я понятия не имею, что здесь едят и как это принято подавать и готовить! И что сколько стоит. Я даже, пожалуй, вот так сходу и с дровяной плитой уже не управлюсь... и это просто готовка. А что я буду делать с одеждой? А если мне велят взнуздать – или как это называется? – лошадь? Я вообще-то боюсь лошадей...

Нет, бегство – неудачная мысль. Меня выгонят в первый же день, и какая тогда ждет меня участь – кабацкой девки? И есть ли разница, умереть от невежества лекаря городского или же деревенского? Или ты госпожа, или тебе везет так, как, без сомнения, повезло этой моей служанке, в противном случае твоя судьба крайне незавидна... как ни крути.

А я не то, ни другое. Я непонятно кто... и хотела бы я знать, чем же я так сильно прогневала в прошлой жизни какие-то высшие силы.

Высшие силы, за эту мысль я уцепилась. Здесь есть монастыри?

– Лучше бы я ушла в монастырь, – тут же проверила я свою версию. Служанка обернулась и рассмеялась.

– Милая госпожа, послушником? – Я нахмурилась. – Совсем как королева Элинон? Ох, я так любила эту легенду! Но ей удалось три года прожить мальчиком, прежде чем ее разоблачили!

– Куда мне до королевы, – пробормотала я, разрешая себе сделать еще один – преждевременный, но, похоже, весьма правильный – вывод. Здесь нет женских монастырей, иначе зачем королеве, какие бы причины у нее для этого ни были, выдавать себя за монашка? – Да, я тоже любила эту легенду...

У меня нет вариантов? Кроме как пока покориться и попробовать выжить. Завтра к вечеру...

Глава четвертая

Выжить. Не самая простая задача. В книгах, которые изредка мне попадались, все было до удивления просто – почти как в незатейливой игре, за которыми я коротала время в полевых. «Спаси рыбку»... Меня ожидало участие в шоу «Последний герой», причем весьма антиутопичном.

Выжить. Задача номер один. Мария Хлопова всего лишь заболела расстройством желудка – я горько усмехнулась, покосившись на графин. Мне хотелось пить, но воспоминание о судьбе несчастной девушки колом встало в горле.

Чая хотелось просто до одури. И странно, вроде бы я должна мучиться без кофе, но нет, про него я почти забыла. А вот чай – чего бы я сейчас не отдала за чашку да хоть поганого «Липтона»! Только нет здесь чая, даже самого дрянного. Но должны быть травы, да и фрукты. Я, конечно, не смогу заставить слуг кипятить пустую воду –дохлый номер, не поймут, даже будь я королевой. Но будь я королевой с такими претензиями, может быть, не поволокут на костер, только не слишком ли это большая жертва – здоровье в обмен на спокойную жизнь?

Но вот бросить в воду травы или фрукты, и получится что-то вроде компота, морса или узвара... небольшая, но приемлемая страховка от фатальной дизентерии. Эту мысль стоило обдумать, но после.

Мне не давала покоя случайно пришедшая на память несчастная Мария Хлопова. Она прошла смотр невест, и это не понравилось некоторым знатным людям, у которых были свои понимания о влиянии на престол. Мария пустячно захворала, и ее никто ни о чем не спрашивал – только раз осмотрели врачи, чьи диагнозы те самые влиятельные люди тотчас переврали и изложили царю так, как им было угодно, и объявили девицу «к царской радости неугодной», и царь – а что царь, царь такая же марионетка, Марии дважды не повезло – покорно согласился отправить бедняжку по ссылкам на долгие семь лет. И даже после того, как заговор был раскрыт, после того, как ушлые деятели легко отделались по тем временам – кто отправился в вотчины, кто в монастырь, и так будучи человеком несветским, – мать царя опять прогнула властелина под свои капризы: нет и нет, чем-то ей Хлопова не угодила. Победившая всех соперниц Мария прожила еще десять лет и мирно почилла все там же, в далеких ссылках. Впрочем, гораздо ближе к Москве, чем была отправлена изначально...

Хорошо, подумала я, примеряя перспективы к себе. Марию мне было искренне жаль, но такой вариант – со ссылкой – меня бы устроил. Но мне мало было отпущенных семнадцати лет, и Мария все-таки была, судя по всему, вполне здорова. А вот что со здоровьем у Йоланды – я не слишком представляла, и совсем не факт, что если меня куда-нибудь запрут, я проживу там сколько-нибудь долго.

Люди все-таки жадные до всего, что касается их лично. Особенно жизни – и если учесть, что судья Анастасия Еремина прожила бы еще приблизительно двадцать лет, столько ли мне и здесь отмерено?..

Однако оставим Россию. Византийский правитель из всего многообразия потенциальных императриц выбрал себе поэтессу Кассию. Та оказалась не промах и «уязвила императора словом» – замечательно, и жила своей жизнью, но то ли у жениха выбор был, то ли он по натуре был довольно сговорчив. Уязвить я могла, но не сократило бы мне это отведенные неизвестными силами дни? Кто знает, не укажут ли мне за это на плаху?

А Марфа Собакина, третья супруга Ивана Грозного, прожила после свадьбы недели две... А если обратиться к истории стран Европы? Анна Клевская, которую по портрету Генрих Восьмой посчитал красавицей, а по факту ужаснулся и шарахнулся, словно от прокаженной? Да, такой вариант меня тоже мог бы устроить, пусть придворные творят с королем что хотят, мне бы лучше забиться в тень и просидеть там все эти годы.

Хотя зачем мне такая жизнь? Моя деятельная натура еще не успела устать от многообразия, новых людей, обычаев, мест, но это там – там, где всего десять часов, и ты на другом краю света, и оставшиеся в занесенной снегом Москве знакомые смотрят фотографии пляжа с белым песком и поникшими от жары пальмами. Здесь поездка в соседний город превращается в событие жизни...

У меня была привычка забираться в огромное кресло, поджимать под себя ноги, раскладывать на столе материалы предстоящего слушания и заниматься их изучением. Сейчас я этого была лишена, служанка не поняла бы такой привычки.

Стоп, подумала я и даже потерла рукой глаза и лоб. На минуточку – стоп. У меня, похоже, кончились варианты и воспоминания хоть каких-то подробностей отборов царских невест, но зато у меня был гнев матери Йоланды – и этот гнев можно было считать за факт. Она так обозлилась на строптивую дочь, что надавала ей пощечин и потребовала вести себя в кои-то веки прилично, и если правда то, что я помню, а медики непременно должны осматривать всех невест, то у меня есть отличный шанс сойти с дистанции, не дожидаясь, пока меня решат устранить. Наверняка не самыми приятными методами.

Итак, если первый этап – это оценка – господи, как коровы на рынке! – невесты медиками и кем-то еще, то меня могут отправить домой из-за кривой ноги. Стоит на это надеяться? Наверное, нет, потому что рожать наследников кривая нога еще никому не мешала. В России, тогда еще на Руси, обращали внимание на плодovitость женщин в семьях невест, но тут это может не считаться за плюс. Первый этап по моему состоянию я могу и пройти, почему бы и нет. Я опять покосилась на служанку, которая торчала задом из сундука, не ворует она оттуда что-нибудь, интересно? Она не хотела такой участи прежней своей госпоже, но и мне она тоже ее не желает. Поверим. Поверим и сделаем так, чтобы доктора определенно посчитали меня... недостойной его высочества.

Моя мать – мать Йоланды – не знала собственную дочь, которую вышвырнула как некондиционный товар в сельскую глушь. За это спасибо. И, судя по всему, здесь нет никого, кто мог бы заинтересоваться странностями в ранее абсолютно адекватном поведении Йоланды. Столько лет я наблюдала, как подсудимые корчат из себя душевнобольных, что должна была чему-нибудь научиться. У меня преимущество – здесь точно не умеют диагностировать заболевания психики так, как там, где я жила раньше.

Но я не успела выработать стратегию поведения, поняла только, что мой истерический смех вызвал тогда правильную, нужную мне реакцию у матери Йоланды. Пусть даже я получу еще несколько оплеух, если такова цена двадцати лет жизни. Рискну, понадеявшись на то, что в худшем случае меня отправят на церковное покаяние, потому что, если судить по истории, сумасшедшие дома должны появиться намного позже.

Я услышала в коридоре шаги, приглушенные голоса, а потом отворилась дверь и на пороге возникла графиня. За ее спиной маячили двое мужчин, и я насторожилась.

– Пошла вон, – коротко бросила мать Йоланды служанке, и та подчинилась, успев бросить на меня озабоченный взгляд. – Осмотрите ее, – обратилась она теперь уже к одному из мужчин – высокому, похожему на половинку ободранного козла, и тот с готовностью затряс головой.

Бородка у мужика тоже была козлиной. В коридоре появился третий мужик, по виду сущий бандит, но лишь по виду. Кому как не мне было знать, что самые большие сроки получают те люди, на которых никто никогда бы и не подумал, и что бежать без оглядки стоит от незнакомца, которому хочется отдать все, что у тебя есть – и руку, и сердце, и банковский счет, а бывает, что крайне добропорядочный, уважаемый, обласканный академиями разных стран гражданин интересуется не счетами, а именно что руками... И прячет их в двух шагах от районного управления внутренних дел в темной воде закованной в камень речки.

Графиня закрыла дверь, и я осталась один на один с – докторами? Кого еще могли при-
слать для осмотра? Вероятно, это люди от короля, подумала я и спросила себя: а что будет,
если они найдут меня немного не первой свежести?

Одеты доктора были – конечно! Здесь явно не в почете были яркие тона! – в темное.
Короткие штаны до колен и что-то вроде стеганых курток, из-под которой у козлообразного
выглядывал белый воротник. У других и того не было... хотя нет – было, но тоже темное. У
них тут траур?

Я встретила взглядом с козлообразным мужиком. Его помощник, совсем еще молодой
парень, поставил на пол деревянный сундук наподобие тех, какими во времена моей юности
обзаводились сантехники. Я не хотела даже гадать, какие там у них инструменты, но, пока
доктор смотрел на меня, я демонстративно стащила с пальца один из перстней и показала ему.

Это было неплохое решение. Доктор стал странно задумчив. Должно быть, перстень
немало стоил, и я поспешила закрепить впечатление.

– Я дам вам этот перстень, если вы скажете при дворе, что я уже невестенна, – заявила
я, и доктор опешил так, что затряс бородой точь-в-точь как козел. Идеальное сходство.

– Ме-ме, – неуверенно начал он, и я даже глаза прикрыла, чтобы иллюзия была абсолют-
ной. – Ме-ме... меня прислала ее сиятельство, ваше сиятельство, как вы себя чувствуете?

Я надела перстень обратно на палец.

– Ужасно, – призналась я. Отчего-то мне стало весело, хотя я и предположила, что это
первый предвестник серьезного срыва. – Меня бросает то в жар, то в холод, иногда я не могу
подняться с постели, сплю урывками, просыпаюсь и долго потом не могу заснуть, я не могу
есть, не хочу пить, – вранье, я уже давно хочу пить, – меня раздражают звуки.

Этого мало, с досадой подумала я. Но, кажется, доктора и без того смутила моя откро-
венность.

– У вас... – проблеял он, но я решила, что ему рановато ставить диагноз.

– Я забываю, как прошел мой день. Я не помню людей, которых видела, и что я им гово-
рила. Я роняю предметы, ночами я не чувствую рук. Меня бьет озноб, даже когда тепло, и если
я все-таки сплю, то чувствую, что задыхаюсь. И меня пугают клоуны.

Клоуном, конечно, была сейчас я сама. И говорила, что приходило мне в голову, пони-
мая, что это не болезни появились в последние времена, а наука сообразила их диагностиро-
вать как нечто, что подлежало лечению. Все неврологические заболевания я могла в этой эпохе
исключить смело, но притвориться психованной дамочкой сходу мне мешало именно правдо-
подобие. Я же не бухгалтер Берлага, в конце-то концов...

Доктор важно покивал.

– Да-да-да, ее сиятельство так и сказала. Приступайте, господин Бак.

Грозного вида мужик согласно кивнул и повернулся сперва к помощнику, а я задумалась:
этот паренек медик или его подручный? Чей это кофр, или как его верно назвать? Паренек
принялся доставать из кофра подозрительной чистоты инструменты, и меня пугал не столько
их вид, сколько то, что со мной собираются делать.

Не резать, это понятно, но – обречь на заражение крови, похоже на то.

– Поднимите рукав, ваше сиятельство, – пророкотал господин Бак, и я вцепилась в под-
локотники кресла.

Кровопускание и клизма – такой же символ медицины, как в мое время – чаша, змея и
красный крест. И клистир я бы выбрала с большей охотой, потому что меньше всего я хочу
умереть не то чтобы рано, но очень мучительно.

Я подумала про Джорджа Вашингтона – того самого. Светило политики скончалось от
рвения докторов, лишившись за пару суток половины всей крови. Я опять вспомнила про кома-
ров и тайгу и позволила себе нервно хохотнуть.

Помогло, но не полностью. Доктор уставился на меня с изумлением, но паренек все так же бесстрастно выкладывал прямо на стол инструменты моей предстоящей пытки. Я же снова сняла кольцо, протянула его теперь уже господину Баку.

– Нет-нет, ваше сиятельство, за услуги цирюльника ее сиятельство уже расплатилась.

Я плачу тебе, чтобы ты не резал меня, идиот!

Инструменты, похожие на щипцы, опасную бритву и металлические емкости, конечно, ополоснули. Но этого было мало даже с учетом того, что их – маловероятно! – могли протереть спиртом. Я не могла вспомнить, как именно пускали несчастным кровь, но подозревала, что резали вену, и как после этого не истечь кровью совсем?

Сохранила ли история имена и количество жертв коновальского произвола? У меня под рукой больше нет «Гугла», и мне этого уже не узнать.

– Возьмите это, – приказала я сквозь зубы и бросила перстень цирюльнику, что примечательно, тот ловко поймал трофей, – и уберите от меня все это! – я ткнула пальцем в сторону стола. – Я буду кричать и скажу, что вы втроем воспользовались положением и хотели подвергнуть меня бесчестью. Мало того, что я графиня, я еще и должна завтра предстать на отборе перед самим королем.

В моем плачевном положении были плюсы, и я не могла их не использовать. Шантаж? Всего-то словами, и на войне хороши все средства, а я в самом прямом смысле сейчас сражалась за свою жизнь.

Мысль, что меня начнут кромсать грязными, нестерильными ножами, приводила меня в ужас. И вот теперь я начала чувствовать панику, смешанную с омерзением.

– Вы еще не передумали стать врачом, Дамиан? – спросил доктор у паренька. – Что же, тогда вот вам явный пример кипения крови. Она будет сопротивляться, держите ее.

Глава пятая

Знаете, господа, я готова бороться за свою жизнь до последней капли крови. Отличный вышел каламбур, почти пророчество. Какого черта в этой проклятой комнате нет ничего, чем я могла бы проломить своим мучителям пустые головы? Подсвечник?

Он стоял слишком далеко, а я допустила одну ошибку. Я вскочила, намереваясь в два прыжка добраться до орудия своего спасения, но забыла о хромой ноге.

И она подвела меня, подвернулась, я взмахнула руками, теряя равновесие, и оказалась прямо в железной хватке цирюльника Бака. Я дернулась, взвыла, лягнула здоровой ногой подоспевшего ко мне Дамиана, достала, и он болезненно вскрикнул: обута я была в тряпку, но попала точно под коленную чашечку. Да, как и многие коллеги, я не пренебрегала тренировками по элементарной самообороне еще с тех пор, как работала в прокуратуре. Не то чтобы хоть раз появился повод тогда, зато сейчас пригодилось.

– Я же заплатила тебе, свиной сын, – прошипела я, расслабляясь и рассчитывая, что это даст мне фору. – Заплачу еще, если ты оставишь меня в покое.

– Придется тебе, Дамиан, – не обращая на меня никакого внимания, предупредил парнишку цирюльник. – Ты уже пускал кровь госпоже Урфике, знаешь, как это делать. А я буду ее держать.

– Тронешь меня, я тебя ночью найду и кишки знаешь на что наматаю? – пригрозила я, но больше уже от отчаяния. Ничего, кроме фраз моих бывших клиентов, на ум мне не приходило, но местных целителей угрозы российских уркаганов почему-то не испугали. Что он сказал? Дурная кровь? Кипящая кровь?

Дамиан со скальпелем в руке стоял теперь вне пределов моей досягаемости, и я даже на расстоянии нескольких метров видела отвратительные потеки на тусклом металле. Конечно, они меня не зарежут, люди они опытные, но все дело в том, чем мне это аукнется. Если никто не счел преступлением то, что лекари сотворили с Джорджем Вашингтоном – хотя казалось бы, в мои-то откровенные времена, когда на публику выносили все, что только могли, а не было, что вынести, так придумывали, – так и во времена «Гугла» всезнающего не требовали эксгумации, не писали разоблачительных статей...

Кого будет заботить моя судьба?..

Вопреки моему ожиданию, цирюльник не ослабил хватку. Скорее всего, он был научен многолетним горьким опытом и оплеухами, поэтому я поступила иначе: коротко вскрикнула и обмякла в его руках.

Хитростями подследственных со мной охотно делились и коллеги по прокуратуре, и обычные опера – еще тогда, когда я была следователем. Будучи судьей, я узнала намного больше из материалов дел, из показаний, заключений экспертов и видеозаписей. Я думала, что когду-нибудь выйду на пенсию и буду писать детективы – не то чтобы это было мечтой, так, не самыми честолобивыми планами, проектами, чем угодно, потому что я не видела ничего расслабляющего в том, чтобы что-то писать, а детективы и так, и так не пользовались популярностью. И все равно память хранила, а тело само подсказывало, чем воспользоваться в опасный момент.

– Вот Нечистый! – выругался цирюльник. – Дамиан, давай положим ее.

Я не спешила, лишь прилагала все усилия, чтобы не напрячься. Тело должно быть максимально расслабленным для того, чтобы... чтобы произошло уже что-нибудь, что избавило бы меня от попытки кровопускания. Я осмелилась чуть приоткрыть глаза и сквозь ресницы рассмотрела, как Дамиан положил скальпель, подошел ко мне, взял меня за ноги – осторожно, обмотав ноги тканью юбок, и вдвоем с цирюльником они перенесли меня обратно в кресло.

– Давайте, – нетерпеливо скомандовал доктор. – Дамиан, в первую очередь – сосуд, – и указал на металлическую емкость.

«Я его сейчас вколочу тебе в глотку», – мысленно пообещала я. Как только они надо мной наклонятся, я моментально приду в себя.

Цирюльник начал заворачивать мне рукав. Я открыла глаза полностью, телом все еще притворяясь, что я без памяти – все равно мне в лицо никто не смотрел – и встретила взглядом с Дамианом.

Красивый паренек, немного испуганный, но заинтересовало меня не смазливое личико, а то, с каким напряжением он уставился на меня. Уже заметив и, безусловно, поняв, что я не без сознания, что я дую их тут всех и морочу им головы.

У него был слишком обдуманый взгляд для этой эпохи – на мгновение мне показалось, что он такой же, как и я. От неожиданности я затрясла головой, а цирюльник, заметив это, схватил меня за руку и сильно дернул. Сверкнуло лезвие в опасной близости от моей кожи, и тут я сделала то, что временами устраивали прямо в зале суда не самые удачливые подсудимые.

Меня это злило, и кто мог знать, что я воспользуюсь их рецептом?

– Падучая? – воскликнул цирюльник, выпуская мою руку. Я усиленно корчилась и очень старалась изобразить что-то вроде идущей изо рта пены, отчаянно жалея, что у меня нет банального кусочка мыла. Или хотя бы зубного ополаскивателя, хотя тут меня выдал бы его запах. И ведь как назло, слюны у меня во рту почти не было! – Доктор?

В средние века отношение к этой болезни было двойственным. Где-то считали, что это происки дьявола, где-то – что это признак гениальности и отметки богов. Я не была уверена, что здесь среди известных эпилептиков были Калигула и Петрарка, но надеялась на то, что доктор доложит о болезни кому следует. В конце концов, если я правильно поняла, даже собственная мать не слишком-то знала дочь, ведь так?

Я могла рассчитывать на любую реакцию, вплоть до того, что доктор решит не церемониться, отберет у цирюльников скальпель и положит конец моему представлению. Но он сделал неожиданную для меня вещь: я почувствовала, как в лицо мне плеснули вязкой водой, которая попала мне на язык, и я даже не взялась определять, что это такое – вонючее, кислое и липкое.

Меня переиграли.

– Ваше сиятельство, – с легким и даже несколько ласковым упреком сказал доктор, ставя графин с разбавленным вином обратно на стол. – Да будет вам известно, что вы не первая девица из тех, кого я посетил за последние несколько дней...

– Я поняла, – оборвала его я и села прямо. Мысль, что меня раскрыли таким немудреным образом, меня даже обрадовала. Потому что это значило, что доктор был человек неглупый, и я могла говорить с ним без обиняков. – Никто не хочет попасть на отбор невест. Но я – я хочу, чтобы вы знали.

Некоторое время я выдерживала паузу. То, что я собиралась сказать, полностью противоречило тому, о чем я просила их с самого начала.

– И пусть вас не смущает моя просьба, – продолжала я. – Мы все понимаем, что попасть в придворные дамы, просто оказаться при дворе – не равно стать королевой. Я всю жизнь провела в четырех стенах, у меня кривая нога, но зато я умна, как вы уже могли заметить. Простите за это, – я обвела рукой комнату, мол, цирк с конями закончен, – и давайте договоримся: вы уходите, я вам плачу, и все держат язык за зубами. Мне не стать женой наследного принца, – я пошевелила ногой, – мне не стать ничьей женой, взгляните на меня, – если бы я сама еще знала, чем так страшна бедняжка, кроме ноги, – но женщина при дворе это не только смазливое личико. Или я выбираюсь из-под опеки матери, или я до конца своих дней прозябаю в деревне.

И я пожертвовала еще одним перстнем.

– Ваше сиятельство, но кровопускание... – доктору очень хотелось обогатиться, тем более что цирюльник свой перстень уже припрятал.

– Зарежьте курицу, – предложила я, сдерживая внезапное острое раздражение. Мы ведь уже выяснили, что здесь нет идиотов, зачем все это опять?

Я бросила перстень на стол и сделала вид, что разговор окончен. И подумала, что у меня есть огромное преимущество – то, что я хотя бы богатая аристократка. Со мной нельзя не считаться уже потому, что я – это я. Деньги и титул.

Доктор сграбастал перстень и махнул остальным рукой. Я покосилась на Дамиана. Я заплатила за молчание всем, кроме него.

– Чего ты хочешь, юноша? – лениво спросила я. – Могу дать тебе вот это кольцо, – и я стянула с пальца последнее – на вид самое невзрачное. Любопытно, сколько у меня еще такого добра и как долго я смогу с его помощью отбиваться от угроз моей жизни.

– Благодарю, ваше сиятельство, – с поклоном ответил Дамиан, но кольцо, которое я опять бросила на стол, он не взял. Он теперь избегал смотреть на меня, и это было – еще раз: очень странно.

Я перегнула палку? Женщина здесь не может быть такой дерзкой? Нет, доктор и цирюльник восприняли весь разговор нормально, не вызвали подкрепление и не выбежали с воплями «ведьма». Я могла перевести дух.

Я покосилась в сторону доктора, который подошел к столу и что-то там искал в своем кофре. В комнате пахло неприятно и резко, я не знала, что это, запах был мне незнакомым и совершенно точно не химическим, так могло бы пахнуть растение. Может, настойка местного аналога полыни. Доктор обернулся, и я увидела в его руках небольшую скляночку со светлой жидкостью.

– Выпейте, ваше сиятельство, – с полупоклоном предложил он. – Это отвар арсмелы.

Это название мне должно было определенно что-то сказать, поэтому я кивнула. И потом, мне очень, безумно, катастрофически хотелось пить, а все, что я могла, слизывать с лица высохшие уже капли гадкого разбавленного вина.

Доктор потянулся к графину, в котором еще плескались остатки пойла, но я остановила его жестом и протянула руку за отваром. Мне не мешает успокоиться – хотя бы немного. И смочить губы, мне казалось, они уже трескаются от жажды.

Скляночка была чистой. Отвар – прозрачным, пусть запах мог бы отбить всякое желание пить, но не сейчас и не у меня. Я осторожно пригубила настойку – на вкус она оказалась сладковатой, и если зажать нос, чтобы не чувствовать запаха, ничем не отличалась от какого-нибудь травяного приторного чая в моем мире.

У нее оказался один минус – ее было мало для того, чтобы напиться. Эффект на мне сказался практически сразу – немного обожгло рот и горло, словно в настойку щедро добавили имбиря, потом жжение прекратилось, и я почувствовала странное безразличие ко всему происходящему.

Что было к лучшему, мне предстояло немало обдумать. И я почему-то закрыла глаза.

Мне представилось, что всего на мгновение, но когда я открыла их снова, обнаружила, что лежу на кровати. И еле сдержалась, чтобы не закричать.

Надо мной была крышка – как крышка гроба, руку протяни, и коснешься, белье было уже не первой свежести и пахло какими-то травами. Удивительно, но я сразу вспомнила, где я и как очутилась здесь. Непонимания не было ни на секунду, как и паники, только мерзкое ощущение давящего дерева со всех сторон. Постель была теплой, и в комнате было тепло, пахло костром, справа от меня лился свет, а в следующую секунду я пошевелила рукой и вскрикнула от острой боли.

Черт!..

Глава шестая

Уцелевшей рукой я колотила по кровати – по матрасу, или что подо мной было, и куча тряпок скрадывала мой гнев от тех, кто мог оказаться ему свидетелем. Я скрипела зубами и про себя орала такими словами, которые в любом обществе поостерегутся произносить, чтобы не получить административный штраф. Но длилось это недолго, и злость была больше на саму себя. Мне стоило быть осмотрительней, мне стоило предположить, что доктор не первый раз врачует несговорчивых девиц. И что моя пламенная речь не усыпила его подозрения – напротив, он, похоже, окончательно определился с диагнозом. И дал он мне что-то, что местная жительница легко могла спутать с тем самым отваром, и то, что он мне дал, вырубил меня... на продолжительное, как я теперь понимала, время.

Надо это запомнить, сказала я самой себе. Как он это назвал? Арсмела. Нужно будет выяснить, как она действует, и понять, что мне подсунили под ее видом. Пока что я даже не представляла, как это сделать, но была уверена, что рано или поздно найду способ.

Но это позже. Сейчас надо понять, что со мной.

Я повернула голову и посмотрела, что с рукой. Простое движение оказалось невозможным – стенки кровати поплыли перед глазами, меня замутило, опять захотелось пить. Сколько крови они из меня выпустили?..

Кто-то – и я очень надеялась, что это была моя служанка – передел меня в просторную тканую рубаху. Крови не было видно, и я с огромным трудом задрала рукав. Жест почти машинный, но я потратила на него массу сил и, наверное, времени. Предплечье было перебинтовано – туго, но не настолько, чтобы рука отекала, и, слава всем богам, тряпка – корпия? – была чистой. Хотя какая корпия? Я даже поморщилась. У меня в голове был туман... нет, надо сосредоточиться. Корпия, проговорила я про себя, это же вата. А это – бинт. Аналог бинта. Надеюсь, что чистый.

Да, медицинские тряпки стирали, но не кипятили, не стерилизовали. У меня, кроме адской слабости, нет пока никаких признаков сепсиса, но неизвестно, какую еще заразу мне занесли...

– Эй?..

Тишина.

– Кто-нибудь?

Тишина, как в могиле. Неловко, переводя дух после каждого движения, я принялась переворачиваться на бок. Вылезти из этого гроба и напиться. Неважно, какой уже дряни. И еще я видела где-то ночной горшок...

Глупо было рассчитывать, что я всех умнее и всех сильнее. Еще глупее считать, что все мне желают зла. Это только в книгах у героини враги с большой буквы – в жизни, как шутила наш секретарь, врагов у людей не бывает, одни хейтеры... Но здесь и ненавидеть меня было некому. Даже мать – графиня, мать Йоланды – всего лишь не испытывала к дочери никаких материнских чувств. Но в данный момент, вероятно, ценила – как ценят дорогую выставленную на торги вещь или породистую собаку.

Сесть мне удалось только с пятой попытки. Еще масса усилий понадобилась, чтобы спустить ноги с кровати и встать, цепляясь за стенки. Руку саднило, и я со страхом ждала, что через повязку проступит кровь, но нет. Доктор и цирюльник знали свое дело. Я убрала с лица прядь волос, как могла, выпрямилась, не отпуская стенки кровати, и комната кружилась, кружилась, кружилась перед глазами...

А ведь сегодня этот проклятый отбор. Кто-то рассчитывает, что я буду не в состоянии держаться на ногах? Я заставила себя отцепиться от стенок кровати и сделать шаг, не думая, как переставлять ноги.

Могло ли это все быть не просто так? Мнимая сговорчивость, отвар, который меня вырубил на столько времени, слабость? Крови нет, но кто сказал, что ее мне вообще выпускали? Может быть, это то, о чем я думала изначально: меня убирают из числа участниц, воспользовавшись случаем?

Я осмотрела комнату. Было сложно – в глазах все расплывалось. Это эффект от кровопускания или от зелья, которое мне подсунули? И если мое состояние – дело рук уважаемых врачей, то – сами того не ведая, не на моей ли они стороне?

И, кстати, где в таком случае мои кольца?

Но нет, я не видела ни следа от колец, которыми я вчера подкупала доктора, цирюльника и его ученика. Или этот Дамиан – ученик врача?

Мои мучители ушли, то ли сделав то, за что им заплатила графиня, то ли сотворив нечто, за что они получили плату заранее от кого-то еще. И кольца прибрали... они не боятся, что я выдам их? Обвиню в воровстве? Видимо, нет, вероятно, у них есть на это причина. Они пришли по просьбе графини, это факт, но – что дальше? Есть еще третье лицо, заинтересованное, чтобы я не дошла до отбора? Я после дозы невнятного отвара и кровопускания в состоянии передвигаться хоть как, значит, не сошла с длинной дистанции, и до меня еще раз попытаются добраться – очевидно. Кому-то мешаю не именно я, но я как лишняя девица среди прочих.

Несмотря на то, что – казалось бы! – мне стоило взвыть и начать биться о стену, я подумала о Дамиане. У него не было ни спокойного согласия доктора, ни абсолютного безразличия цирюльника: те получили плату за то, что будут держать язык за зубами, в дополнение к тому, что им уже заплатила графиня и – скорее всего – кто-то еще, и убралась восвояси. Почему же Дамиан вел себя по-другому? Возраст? Отсутствие опыта? Он был не в курсе и просто считал, что я слегка поехала кукушкой, а могу и еще раз кинуться?..

Дамиан незаметно для остальных смотрел на меня так, словно... боялся? И я не могла понять почему. Возможно, его смутили мои внезапные психи? Доктора-то с цирюльником они совершенно не впечатлили. Нет, тут что-то другое. Предположить, что он тоже человек из другого мира? Реально? И да, и нет.

Или все проще, я и вправду страшна как Столыпин сибирским чинушам, и Дамиан просто по юности обалдел от того, что я строю иллюзии по поводу места при какой-нибудь престарелой принцессе?

Мой взгляд натолкнулся на графин, и я пошла к столу, вытянув руки, как Панночка к Хоме Бруту. Нога подкашивалась, и я старалась не сосредотачиваться на ней. Йоланда же как-то ходила? Очень скоро я поняла, что стоит просто надеяться на само новое тело и не думать, как шагнуть так, чтобы тотчас не навернуться. Да, Йоланда хромала, но, возможно, не так заметно, и неведомо, каким палками вкололи в нее умение держать спину прямо и голову ровно.

И мне было уже наплевать, что за пойло налито в этом графине, я присосалась к нему, как мучающийся похмельем запойный алкаш... Компот, думала я, торопливо и жадно глотая. Компот или, например, лимонад. Травяной чай. Морс. Узвар. Дайте мне хоть немного разобратся, что и как тут устроено, и я получу их! А пока я просто себя убеждала, что это можно пить.

Кислая дрянь стекала по лицу и капала, даже лилась, струйками на рубаху, и я подумала, что в данный момент я была совершенно не леди. Даже жаль, что меня не видели уполномоченные придворные. Такая королева точно не нужна была никому – где люди, когда они так нужны, а их нет?

Я и графин вернула на стол с демонстративным грохотом, после чего направилась к ночному горшку. Присесть с моей хромой ногой оказалось проблемой – пришлось опираться на рядом стоящий столик и так же подниматься обратно. Задвигать горшок по завершению процесса оказалось некуда, зато рядом с ним я обнаружила чистые тряпочки... С каким-то садист-

ским наслаждением я бросила тряпку поверх содержимого горшка, понадеявшись наивно, что ее не прополощут и не вернут потом на прежнее место.

Хотелось есть, а еще сильнее – принять душ, и моей пострадавшей руке все эти упражнения были тяжки. Нет, все же доктор и цирюльник добились своего, я чувствовала ранку, глубокую, но небольшую. И не ощущала жара – неужели мне повезло?

К чертовой бабушке такое везение.

Я поискала, где бы найти подобие зеркала. Почему мне вступило это в голову прямо сейчас, я себе объяснить не могла.

В шкатулке, стоящей на столике возле кровати, как раз там, где и горшок, и подсвечник, до которого я вчера не добралась, я обнаружила россыпи драгоценного барахла и тут же надела на пальцы новые кольца. Если графиня опять сюда явится, пусть не смущается тем, что я успела сплавить на сторону семейные реликвии. Если эти перстни и в самом деле ими не были, усмехнулась я. Я ссыпала в шкатулку жемчужную нить с крупными и идеально ровными бусинами и задумалась. Может, посмотреть хотя бы в оконное стекло?

На окнах не было занавесей. И вообще в этой комнате должно было быть ночами стыло, но не было, и я поняла почему. На том, что я вчера приняла за мангал, давно догорели угли, но тепло еще шло – я поднесла руку, озадаченно ухмыльнулась. Могло быть хуже, много хуже. Я могла оказаться не графиней, а служанкой. Я могла голодать, мерзнуть, выполнять непосильную работу, рожать каждый год по ребенку, из которых выживали бы далеко не все... И почему-то я поняла, отчего мать Йоланды не пылала к ней нежной привязанностью. Полно, да я у нее единственная оставшаяся в живых достаточно взрослая дочь, а сколько их вообще до и после меня рождалось?

А она завидного здоровья женщина, с некоторым ужасом подумала я, потому что осознала, что плодovitость измеряется тут не в количестве выжившего потомства, а в количестве родов, которые благополучно пережила мать...

За окном была шумная узкая улица, и две кареты никак не могли разъехаться; площадь, в которую эта улица упиралась, и сейчас по ней без всякой системы бродили люди, что-то крича. Типичный европейский город... я достаточно их повидала. Как будто я там... Все еще там.

Видно мне мое лицо было плохо. Худенькая, очень худенькая, щеки впалые – я открыла рот с некоторым страхом и улыбнулась, но зубы хотя бы на вид меня порадовали, – глаза большие и темные, волосы густые и тоже темные, брови – боль всех мастеров: наращивать нечего, окрашивать тоже, сплошное разорение, а не клиент. Да что говорить – Йоланда была красавицей! Она напомнила мне Эмилию Кларк – такая же изящная, такое же выразительное, запоминающееся лицо. Я всматривалась в отражение, не веря своим глазам. Федеральная судья Анастасия Еремина была суровой ухоженной, но непримечательной женщиной с тяжелым взглядом, но это была я, привычная, знакомая я... Может быть, моя нежная внешность и властность у молодого еще Дамиана вызвали диссонанс?

– Все Святые любят нас, равно убогих или красивых, – услышала я и вздрогнула. – Милая госпожа, главное, что они любят нас. Мы детища их.

Я обернулась.

– О чем ты говоришь?

Служанка в который уже раз повторила свое пальцы-лоб и погладила меня по руке.

– Моя нога мне не мешает. – Я прислушалась к ощущениям тела. Точно – нет. – Но с лицом... с лицом к вечеру нужно будет что-то сделать. – Потому что, черт, я не рассчитывала, что окажусь в теле такой красавицы, нет!

И как ее, в конце-то концов, зовут?

– Что же тут сделаешь, – ласково улыбнулась служанка. – По милости Всех Святых после родов обретете красоту.

Но по голосу чувствовалось, что она сама не очень-то в это верила. Какую красоту, о чем она говорит? И постепенно до меня начало доходить.

Каноны красоты во все времена были разными! Какому нашему веку равно то время, в котором я теперь коротаю свои дни? Семнадцатому, если судить по одежде? Красотки Рубенса и здоровый целлюлит? Все сильно зависело от фавориток и меняющихся вкусов меняющихся королей, но брови щипать все равно не дам. Если бы я следовала всем тенденциям нашей моды, то была бы на момент своей гибели без бровей, зато с татуажем на их месте, с силиконом во всех стратегически важных точках, от филейных частей до губ, обколота ботоксом, с обесцвеченными, покрашенными и снова обесцвеченными волосами...

Случись такое открытие в моей прошлой жизни, я бы сказала – люблю себя такой, какая я есть. В этой жизни у меня заколотилась мысль – главное, чтобы в меня никто не влюбился... кроме меня самой.

К счастью, прогнозы были у меня благоприятными.

– А отца подмастерья, – невпопад проговорила служанка, – казнили за колдовство.

Глава седьмая

Кажется, что-то я пропустила.

– И я сказала себе: Тина, он...

Тина, ее зовут Тина.

– Какого подмастерья?

– Ученика цирюльника, – Тина понизила голос. – Думаю, почему бы ее сиятельство допустила его в наш дом?

Наверное, она говорила о Дамиане, подумала я. Но что странного? Вряд ли графиня собирала местечковые сплетни, хотя как знать.

– Милая госпожа, вам стоит омыться, – теперь Тина почти шептала. – Не знаю, что удумала ее сиятельство, но колдун – плохой знак. – Пальцы-лоб. – Я добавлю в ванну благословенной воды. Она смоет дурной глаз колдуна.

Во все времена люди бежали от неизвестного, с раздражением подумала я. Жгли на костре невинных рыжих женщин, пытались поймать от привитого соседа халаявный вай-фай. Было бы так все плохо, никто не взял бы этого паренька в обучение, и уж тем более доктор не прибежал бы к услугам господина Бака. А взгляд?..

– Колдунов не существует, – не слишком уверенно возразила я.

– Вы не видели, как человек обращается в птицу, – а вот Тина была совершенно уверена в своих словах и напугана. – Вы не видели, как он гасит огонь одним движением руки.

– А ты видела? – насмешливо поинтересовалась я. С улицы донеслись загадочные громкие крики, но наш разговор в комнате меня сейчас занимал больше.

– Видела, милая госпожа. Именно так все и было. Он погасил пламя, обратился в птицу. И все, кто был на площади, онемели от ужаса, только королевский стражник не растерялся и выстрелил в колдуна. Он так и упал на площадь – уже человеком. Не ушел от своей судьбы.

Если все было так, как она говорила, то мне стоило тоже задуматься, что мне грозило. Дамиан не взял с меня платы – хорошо это или плохо? Кольцо, конечно, забрали, но кто, и как быть с тем, что...

– Но он ученик цирюльника, – сказала я мне прекрасно известное, – значит, он не колдун. Кто бы взял в его в ученики?

– У господина Бака доброе сердце, – вздохнула Тина. – И он верит, что Дамиан не унаследовал проклятье отца. Но колдуны, они же такие.

Какие – такие, поморщилась я. Мне грозила какая-то опасность, но почему? Графине выгодно посадить меня на трон. Еще как ей это выгодно – так, что она решила подстраховаться и выпустить из меня драгоценную кровь для того, чтобы я потом все не испортила. Может быть, не в ее власти указывать, кто придет вместе с доктором? Колдовство здесь реально и оно передается по наследству? Нет, тогда бы и Дамиана давно отправили на костер, значит, у них есть веские доказательства – боже, какая же чушь! – что не каждый потомок колдуна колдун тоже? Это проявляется, это не скрыть?

Или все еще хуже, и оба – и доктор, и сам господин Бак – отлично знают, на что способен подмастерье, более того, это знает и графиня, и визит должен был что-то изменить в моей жизни?

Об этом мне было рано задумываться. Но опыт – опыт заставлял меня анализировать все, что я видела и что слышала. И сейчас у меня не было ни видеозаписей, ни результатов экспертиз, ни протоколов осмотра – даже проклятых свидетелей, которых я так ненавидела, не было. И с тоской я подумала, что уже не увижу тот судебный процесс, о котором втайне мечтали все судьи. Процесс без показаний свидетелей – участие их оставалось предусмотрено всеми законами, несмотря на то, что в людях с их предвзятостью и заблуждениями уже никто

не нуждался. Показания свидетелей, те самые, порождающие судебные ошибки. Я уже никогда не войду в зал суда, где все, чем я буду руководствоваться, это наука. Бесстрастная, логичная, не дающая никаких осечек.

Добро пожаловать во времена «слово и дело», мрачно хмыкнула я. Но колдуны – кто это? Почему надо их опасаться?

И надо ли?

– Принеси мне поесть, – попросила я. – И... мне пора готовиться к вечеру?

Тина рассматривала меня так, словно впервые видела, но потом кивнула и вышла.

Вздыхнув, я села в кресло и начала разглядывать повязку на руке. Мне было о чем подумать: что меня ждет, как мне себя вести... Было очевидно, что чем дальше, тем больше во мне прорывается судья Еремина, что не есть хорошо. Мне следует помнить, что девица должна держать глазки долу и не отсвечивать, украшать ее должны скромность и куча побрякушек, что танцы мне, если не изменяет память, не грозят – в эти времена танцы были привилегией короля и придворных, некий спектакль, остальные просто любовались и старались не умереть при этом от скуки. Хотя о чем я – у меня же больная нога. Я хромоножка. Меня точно никто и никогда не вынудит танцевать! Повезет, и придворный доктор найдет меня в некондиции, мать мою – Йоланды – сочтут не слишком хорошим примером того, сколько наследников трона должно доживать до половой зрелости, откапают какие-нибудь дефекты у отца...

Деревенская жизнь? Так ли уж оно будет плохо? В своем имении я могу понемногу превращать отсталость в цивилизованный островок, по идее, я там царь и бог, никто не мне указ? Сделать медицинский пункт, хоть какой-никакой, знаний на минимум у меня хватит, это программа средней школы и игры «Зарница», не говоря уже о курсе, который я прослушала, когда училась в автошколе, и массы, непостижимой массы прочитанных мной заключений экспертов. Можно научить детей грамоте. Элементарно облегчить жизнь себе и другим и научиться правильно хранить запасы, чтобы не умирать с голоду. Я знаю, как их хранить?.. Конечно, нет, но обязательно что-нибудь вспомню.

Это если крестьяне сами меня не зарежут, грустно подумала я. Благими намерениями, как известно, дорога вымощена прямиком в ад.

И если... Мне стало очень неудобно.

Если женщины тут имеют право владеть недвижимостью. Землей. Никто не сказал, что это так – да, никто, и вполне вероятно, что и не скажет, потому что для них это нонсенс. Я ничего пока об этом мире не знаю. Может быть, владеть любой собственностью здесь могут только мужчины или вдовы. Это раз. Два – кто сказал, что у меня есть имение? В самом деле, я точно знаю, что у меня есть мать, и она может владеть всем семейным имуществом. А может, есть брат, может быть, не один.

Нужно выяснить, что дозволено женщинам. Потому что вариантов было множество, и лишь некоторые из них мне представлялись приемлемыми. Возможно, у девушки два пути: замужество или... женских монастырей нет, никакого «или» нет тоже, и это очень, очень скверный знак, если говорить о положении женщин. Чаще всего так бывает там, где женщин воспринимают чуть лучше домашнего скота. Даже Всем Святым им служить не дозволено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.